

Юлия Миланес

Продавец счастья

Handwritten text on a small piece of paper at the bottom right, partially obscured by tape. The text is in Russian and appears to be a list or notes.

Юлия Миланес
Продавец счастья

«Автор»

2010

Миланес Ю.

Продавец счастья / Ю. Миланес — «Автор», 2010

Знаете ли вы, что в старых петербургских квартирах водятся привидения? Да!
И главному герою - мигранту из Средней Азии придется с ними встретиться.
Вот что может случиться с маленьким человеком, который хочет сорвать
большой куш...

© Миланес Ю., 2010

© Автор, 2010

Юлия Миланес

Продавец счастья

Продавец счастья

Бобо стоит перед входом в вестибюль станции метро «Площадь Восстания». Разноцветные лошадки, зайчики, сердечки и прочие забавные надувные фигурки из длинных узких шариков колышутся по-весеннему теплым ветерком у него за спиной.

– Купи дочке радость! – незамысловато предлагает Бобо проходящей мимо женщине с ребенком лет пяти. – Хочешь розовый лошадка? – заговорщицки подмигивает он девочке.

– Диана, мы же договаривались, что не будем останавливаться на каждом углу, – сварливо говорит молодая мама.

Но поздно: сети лукавого Бобо работают безотказно. Девчушка берет протянутый шарик и дует на него так, что круглые уши и хвостик коняшки трепещут на ветру.

– Отдай дяде! Мы торопимся!

Но ребенок весело размахивает своей забавой, не собираясь её отдавать.

– Еще есть детский игрушка, – добродушно искушает Бобо и, вытянув губы трубочкой, выдувает через пластмассовое колечко целое облако играющих всеми цветами радуги мыльных пузырей.

Пара студентов, проходящих мимо, бросается их ловить.

– Хорошо, – сдается сердитая мама. – Сколько стоит ваша лошадь?

Десять часов вечера. В Питере почти наступили белые ночи, и фонари тускло светят в переплетенном проводами просвете Лиговского проспекта. Бобо продает последний шарик в виде желтого щенка финским туристам, собирает пустой лоток и запикивает его в узкую кладовку, куда торговцы-узбеки прячут свой нехитрый торговый скарб от полиции.

Делать теперь нечего. Можно прогуляться по Невскому или посмотреть на развод мостов. Но Бобо не любит север, да и устал – ноги за день распухли, поэтому он садится в подъехавшую «тройку», покупает розовый билет с бордовой надписью «Автобус» и всегда несчастливым номером и едет в свою тесную комнату шесть шагов на девять.

Сумерки спускаются с серого неба. Узбек знает, что звезд не будет. В конце мая в Питере можно увидеть только огромную, с серыми прожилками кратеров луну, похожую на большое круглое зерно вареного на пару риса.

Через три остановки можно выходить.

Повезло узбекам снять комнату вблизи центра. Удобно ездить. Дом, хоть и старый, но стены толстые, зимой не замерзнешь. Но Бобо хочет в декабре поехать домой, в маленький поселок на берегу Сырдарьи, привести гостинцы жене и матери, поест изюма, выросшего на отцовской лозе, и толстого красного узбекского хлеба.

Во дворе торговец шариками садится на корточки у подвального окна, вытаскивает из кармана завернутые в салфетку обеды курицы, разворачивает и кладет на асфальт. На запах из подвала выходит худая голодная животиная и, подозрительно оглядываясь на человека, принимается за еду. В Питере Бобо уяснил, что трехцветная кошка приносит счастье. А эта тварь дрожащая как раз такая и есть: шерстка коричневая с рыжими и белыми пятнами.

В окно первого этажа высовывается дворничиха:

– Ну-ка, не прикармливай! Еще сдохнет в подвале, тогда все задохнемся! Или блохастых котят наплодит целый двор. Вот я скоро зачистку вызову! Понаехали тут... Сами грязные и вшивые, так еще и кошек прикармливают!

Бобо брезгливо вытирает руки о штаны – нет, он брезгует не облезлой животиной и не объедками, а дворничихой – молча заходит в парадный подъезд и поднимается по ступенькам. Шаги эхом отдаются под трехметровыми потолками. Узбек поворачивает ключ в замке деревянной, когда-то полированной двери и оказывается дома.

В маленькой комнате душно и пахнет пылью. Через давно не мытое окно виднеется железнодорожное депо, суетятся люди в желтых жилетах. Бобо, не раздеваясь, ложится на узкую кровать, вытягивает опухшие ноги. Рядом уже спят его братья. Веки слипаются. Наваливается усталая дрема – еще не сон, но уже и не явь. В окно заглядывает огромная белоснежная с серыми прожилками луна.

Слышится звук приближающегося поезда. Тук-тук, тук-тук, тук-тук. Железная дорога проходит под самым окном. Свет от фонаря... паровоза... мечется по стене, разгоняя светлые, блеклые тени. Тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Внезапно смех за стенкой:

– Батенька, вы – банкрот! Акции Царскосельской железной дороги сейчас упали в цене, на кон принимать не будем.

Кто-то вышел, хлопнув дверью.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук. Поезд мелькает за окном вагонами первого, второго и третьего класса с гербом Российской империи.

В нос ударяет запах крепкого табака, как будто в соседней комнате сильно накурено. Раздается звук удара игральные кости о сукно. Женский голос:

– Да вы везунчик, Ипатий Силыч! Не зря ваши мануфактуры нынче в цене. Так скоро и мильёнщиком станете.

– А где один мильён, там и два, и три, – раздается подобострастный мужской голос. – Еще бы женитьба выгодная подоспела, так и при дворе скоро будете!

– Какая женитьба, Алексашка? Я давно женат на Авдотье Петровне. Ты кости не смей подменять, мне с этими ладно.

– Так я про доченьку вашу, Ипатий Силыч! Ей-богу, клянусь, княжеского полету барышня: и воспитание, и взгляд, и походка знатного роду. Через женитьбу можно и дворянский род занять.

Бобо лежит ни жив ни мертв. Соседняя комната большая, с резными потолками и изразцовой печью в углу. Узбек её видел, когда предыдущие жильцы выселялись. Хозяйке никак не удается сдать ее надолго. Люди поживут месяц и съезжают. Видно, дорого.

– Князь, а вы нынче играть будете?

Молодой баритон отвечает:

– Меня не интересуют мануфактуры. Лядова жду. Обошел вчера на скачках моих рысаков. Его Алмаз очень хорош, настоящих арабских кровей. Хотел сторговаться, но не продает, шельма! Так я его коня выиграю.

Снова пахнуло крепким дорогим табаком. Бобо повернулся на запах и увидел в стене распахнутую двустворчатую дверь, прикрытую тяжелыми зелеными портьерами.

– Алексашка, открой окно в лакейской, – капризно произносит женский голос.

– Сию минуточку, Марья Никитична!

Бобо каким-то внутренним чутьем понимает, что сейчас через дверь войдет человек. Он зажмуривается и пытается сжаться, стать маленьким, незаметным...

Алексашка трясет его за плечо и пытается поставить на ноги:

– Здесь кто-то есть!

– Черт возьми, если мое инкогнито будет раскрыто, то я первый сообщу в полицию, что Алексашка Михайлов содержит не доходный, а игорный дом! – раздается баритон князя.

– Помилуйте, Ваша светлость! В этой комнате я самолично раздающий и крупье для сохранения тайности! А как этот человек сюда пробрался – мне не известно!

– Ипатий Силыч, вам в лакейскую пройти не возбраняется. Прошу разобраться в этом деликатном деле, – волнуется молодой аристократ.

Зеленые портьеры раздвигаются, и в дверях появляется седой дородный великан в пиджаке дорогого сукна и с трубкой во рту. Он неторопливо оглядывает Бобо и закладывает правую руку за спину.

– Да это вообще бусурманин, – задумчиво взвешивая слова, говорит Ипатий Силыч. – И одет не по-нашему. Турок, похоже.

– Покажите! Покажите мне бусурманина! – задорно интересуется Марья Никитична из-за двери.

– Да это одна знакомая нам личность, – вдруг начинает суесться Алексашка Михайлов. – Он же и по-русски не понимает... Проездом в Санкт-Петербурге... Так что наша конфиденс будет полностью соблюдена.

– Ка-кой го-род зна-ешь в сво-ей зем-ле? – по слогам произносит Ипатий Силыч.

– Самарканд, – собравшись с мыслями, отвечает Бобо первое, что приходит в голову.

Видно, ответ производит на будущего мельёнщика неизгладимо хорошее впечатление, потому что его хмурое лицо проясняется:

– Коврами торгуете?

Алексашка трясет узбека за ворот, будто пытается вытрясти из него душу, и отвечает:

– Хлопком, хлопком бусурмане торгуют! Много тюков хлопка!

Портьера снова отодвигается, и появляется миловидная молодая женщина в черном шелковом платье строгого покроя, до самого полу.

– Это чудесно, господа! На хлопок мы еще не играли. Векселя газового общества, акции Царскосельской железной дороги – это все пресно и скучно.

– Марья Никитична, покиньте лакейскую, – строго произносит Ипатий Силыч. – Вы дворянского рода, как-никак.

– Тащите бусурманина сюда, я хочу на него взглянуть, – снова раздается голос молодого князя.

Бобо, подталкиваемый Алексашкой, заходит сквозь портьеры в большую комнату – и не узнает ее. Посреди комнаты стоит широкий стол, обтянутый зеленым сукном; шторы с тяжелыми золочеными кистями едва пропускают тусклый свет из окон, сиреневые струйки табачного дыма расходятся в воздухе замысловатыми фигурами, едва мерцают свечи в настенных канделябрах. Вдоль стола – стулья, обтянутые дорогой вызолоченной парчой. Узбек не может удержаться и исподтишка бросает взгляд на князя, отошедшего в угол. По одежде и оружию тот производит впечатление кавказского аристократа.

Алексашка встает во главе стола, достает из бархатного мешочка новую пару костей, взвешивает ее в руке и кладет перед собой. Ипатий Силыч садится напротив Бобо и потирает руки.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук – пронесся за окном поезд.

– Самый ранний, на Гродно, – произносит Алексашка и, поклонявив пальцы, гасит свечи, отчего комната погружается в голубоватый полумрак.

Узбек озирается по сторонам и вспоминает свое убогое жилище. «Почему я не богатый?» – думает Бобо. Мысли приходят сами по себе: «Когда ты богатый, то всякий человек тебе рад. И русский, и нерусский. А если ты бедный, то дворничиха укажет, кормить тебе кошку или нет. Хозяйка выгонит из дома на улицу, даже не вспомнив, что ты приехал из другой страны и тебе некуда пойти. Почему я не богатый? Я бы не кидался деньгами, как русские, проматывающие жизнь в пьянстве. Но отчего-то не плывут ко мне деньги. В чужой стране, в холодном каменном городе приходится тратить последний рубль на теплую одежду. Быть может, сейчас Аллах пошлет мне свою милость и у меня, маленького человека Бобо, появится шанс?»

Бобо мысленно молится и надеется, что сейчас и произойдет самый главный поворот в его жизни. «На рассвете мне всегда везло». Он вспоминает, как вчера обещал жене перевести триста долларов, чтобы та смогла отправить младшую дочь в первый класс. Вспоминает, как ребенком собирал под жарким солнцем белые лопнувшие коробочки хлопка, а сестра пекла красный узбекский хлеб и разносила его по домам богатых односельчан. Вспоминает, что у его младшего брата нет жилья, потому что он, Бобо, наследует отцовский дом и брату негде притулиться со своей будущей семьей. И говорит:

– Играю хлопок против царский золотой рубль!

– Много хлопка? – прищурившись, интересуется Ипатий Сильч.

– Много! Полный ишаки хлопка, целый караваны ишаков, – невозмутимо отзывается Бобо и, поправляя оторванный Алексахой угол воротника, думает: «Русские жадные. Сейчас будут предлагать негодную бумагу за мой хлопок. За белый хлопок с застрявшими в волокнах мелкими коричневыми семенами, воздушный хлопок, согретый родным солнцем».

– Ставлю пять процентов акций прядильной мануфактуры, – говорит мильёнщик.

– Нет! – отвечает хитрый узбек. Он-то знает, чего стоят дореволюционные акции после тысяча девятьсот семнадцатого года – все в школе учились. – Только золото!

– Может, ассигнации? – спрашивает Ипатий Сильч. – Золота у меня с собой нет. Разве что эти часы. – И показывает большую золотую луковицу на массивной цепочке, усыпанную бриллиантами.

«Русское золото, – мысли Бобо текут сумбурно. – На царские часы много денег можно выручить».

Мануфактурщик снимает с жилета дорогую вещь и накрывает ее большими ладонями.

Узбек рассматривает руки Ипатия Сильча – крупные, морщинистые, с голубоватыми прожилками выпуклых вен. «Сколько золота поместится в такой ручище?» – размышляет Бобо. И кажется ему, что сейчас в ладонях мильёнщика лежит маленький домик на родине, с узорчатой дверью и виноградной лозой, которую вырастит младший брат для своих детей. Узбек закрывает глаза и представляет, как они всей семьей посадят во дворе душистые дыни...

– Пойдет, против один караван, – милостиво соглашается Бобо.

– Прошу сразу подписать вексель на бусурманский караван, – незаметный человек, до этого стоявший где-то в складках штор, протягивает ему бумагу.

Продавец берет её и принимается писать на русском как может: «Дарю караван хлопка в случае свой проигрыша. Бобо».

– Кости будем кидать три раза, – говорит незаметный человек и смотрит в рот Ипатию Сильчу, как будто оттуда должен выпасть бриллиант. Мильёнщик кивает. Алексахка тоскливо смотрит на восходящее бледное солнце, первые лучи которого касаются тяжелых штор.

– Положим ставки в заклад, – незаметный человек складывает в большой мешок из зеленого сукна вексель узбека и золотые часы Ипатия Сильча.

Бобо кидает кости первым. Они с глухим стуком ударяются о стол, крутятся-вертятся... Выпадают двойка и пятерка.

Мильёнщик заграбастывает кости большой пятерней, долго их рассматривает, даже на свет, исходящий от окна. Дует на сжатые пальцы – видно, очень не хочет расставаться со своей ставкой. Наконец бросает.

Марья Никитична подходит к столу, глядит в лорнет и протяжно произносит:

– Четыре и шесть.

Бобо потирает виски и с надеждой смотрит на солнце, которое всегда помогает. Потом бросает. Одна кость отлетает к краю стола, и с его места не видно, сколько выпало.

– Один и два. Не везет, – пожимает плечами Алексахка.

Ипатий Сильч раскуривает потухшую трубку.

– Прошу менять кости, – говорит узбек и откидывается на гобеленовую спинку стула.

На столе появляется новая пара. Мильёнщик снова долго крутит кости в руках и разглядывает на просвет, потом просит подуть на них сначала Марью Никитичну, затем князя. Бросает.

– Ну, теперь удача отвернулась от вас, Ипатий Силыч, – подобострастно улыбается незаметный человек. – Один и один.

– Не отдавать же часы бусурманину! – противится Алексашка.

– Ты же сказал, что хорошо его знаешь, прохиндей. Можешь за него поручиться? – спрашивает Марья Никитична.

– Могу поручиться, что он не донесет на нас в полицию, – выкручивается тот. – Кто ж его будет слушать? Он и лопочет невнятно.

– Риск – благородное дело, – вмешивается молодой князь.

Бобо трясет кости и бросает. Шесть и четыре!

Мильёнщик размашисто крестится на окно.

– Что ж креститься-то попусту? – насмешливо спрашивает Марья Никитична. – Не богоугодное это дело – в кости играть. Богохульствуете, мой друг.

Ипатий Силыч размашисто ударяет игральными костями о зеленое сукно.

– Шесть и пять! – лицо мильёнщика краснеет от радости. – Вот же! Вот же! – кричит он, обращаясь по очереди ко всем в комнате. – Не отвернулась Фортуна!

«Не будет золотых часов», – горестно думает Бобо, начисто забыв, что у него нет караванов с хлопком.

– Надо выпить водочки по случаю проигрыша, – участливо говорит незаметный человек.

Алексашка морщится, берет со стоящего в углу резного столика графин, чистую стопку и, налив водки, ставит перед бусурманином.

Узбеки не любят русских за пристрастие к горькой, но сейчас Бобо думает не об этом, поэтому храбро опрокидывает стопку в рот и на глазах у него выступают слезы.

Он выходит в коридор и понимает, что на него надвигается густая, вязкая темнота. Квадратное жерло коридора старой коммунальной квартиры уходит в бесконечность. Стены, крашенные зеленой масляной краской, наверху замыкаются когда-то беленым, а теперь желтым от протечек потолком, который оказывается кривым и узким.

Коридор завален хламом, который хозяйка забирает в счет долга у незадачливых жильцов, не имеющих средств расплатиться за комнаты. Здесь стоит колченогий вытертый диван, маленький покрытый пылью холодильник с магнетиками, раньше принадлежавшими жившему здесь ребенку, тумбочка, накрытая линиялой полотняной салфеткой, и треснутая ваза на ней. В дальнем углу – хозяйственный инвентарь: швабра с вылезшей щетиной, обломанный веник, дырявая половая тряпка и ржавое жестяное ведро. И деревянное, полированное десятками рук топориче, нелепо торчащее из ведра.

– Как вы его, Ипатий Силыч! – раздается из комнаты подобострастный голос незаметного человека. – С кем взялся играть бусурманин? Еще за стол его посадили.

– Что они, что китайцы – все на одно лицо, – произносит задорный голосок Марьи Никитичны. – Понаехали тут, а сами курят опиум.

Тусклые крашенные стены наваливаются на Бобо, пол с потолком сходятся в одну точку в конце коридора, и в руку скользит гладкое топориче. Тепло дерева согревает холодные пальцы. Узбек перехватывает топор обеими руками и возвращается в комнату.

Ипатий Силыч сидит, повернувшись к двери спиной, и гладит подвешенную на жилет золотую цепочку часов. Марья Никитична и молодой князь стоят у окна и со смехом читают закладную Бобо. Незаметный человек снова растворился в складках оконных портьер. Алексашка Михайлов с тоской смотрит на занимающийся рассвет. На вошедшего никто не обращает внимания.

Топор становится невероятно тяжелым. Узбек силится поднять его кверху, но ему едва хватает сил, чтобы удержать руки на уровне груди. Мильёнщик наклоняет голову. Бобо видит его седые сальные волосы на макушке – все до единого волоска, испарину на выглядывающей из сюртука толстой шее, и понимает, что сейчас ударит топором в этот загревок. Ударит ради золотой луковицы часов с бриллиантами и массивной цепочкой. Нет – ради маленького домика с резными дверями и теплыми желтыми дынями, растущими во дворе. Сознание сужается до капель испарины на шее Ипатия Силыча.

Бобо поднимает топор.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук. Ревет гудок тепловоза, и за окнами проносится фирменный скорый поезд «Санкт-Петербург – Рига».

Бобо просыпается и смотрит на свои пустые руки.

В комнате шесть шагов на девять держится спертый, тяжелый воздух. Братья спят. Пошатываясь, узбек выходит в коридор и долго открывает входную дверь, пока замок со скрипом не сдастся его упорству.

Ноги скользят по стертым каменным ступеням лестницы парадного подъезда. Бобо падает, скатывается до ближайшей лестничной клетки и остается там лежать в нелепой, изломанной позе. Мелочь со звоном высыпается из карманов и разлетается на несколько этажей. Неизвестно откуда появляется дворничиха:

– Э! Да ты совсем пьяный! Вставай, иди в свою комнату! – и привычно прибавляет: – Понаехали тут... Хозяйке на тебя пожалуюсь, будешь знать.

Но Бобо выходит на улицу. Внезапно он вспоминает про свою счастливую кошку и шарит в карманах. «Надо задобрить питерское счастье». Кошка на месте: выглядывает из подвального окна в ожидании еды. На секунду человек заглядывает в её глаза. На что похожи светло-желтые кошачьи глаза? На белый виноград кишмиш, когда сквозь прозрачную кожуцу светит жаркое узбекское солнце.

Бобо садится на асфальт рядом с подвальным окном.

– Не будет дома для младший брат, – говорит он кошке. – Потому что Питер не настоящий, Питер – город-призрак...

– Опять развалился тут! Пожалуюсь хозяйке, завтра же съедешь! – кричит дворничиха, размахивая руками. – Забирай кошку и уезжай в свой Узбекистан. Проваливайте, а там, у себя, хоть кошатник разводите.

– Заткнись ты, глупый женщина! – досадливо отмахивается Бобо.

Бобо стоит перед входом в вестибюль станции метро «Площадь восстания». Разноцветные сердечки, Микки-Маусы, голуби-переростки и просто надувные «сосиски» бешено рвет у него за спиной осенний ветер.

– Мальчики, – незамысловато предлагает Бобо пробегающим мимо школьникам, – купите подарок девочкам!

– Зачем им подарок? Они вредные!

– Правда, вредный, – смеется узбек. – Тогда купите маме мыльный пузыри, пусть вспомнит детство.

Один мальчик останавливается у лотка, достает из кармана грудку мелочи и отсчитывает двадцать пять рублей.

– А котята почему? – указывает он на коробку с разноцветными пушистыми комочками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.